

УДК 82.09

**ОТ «БЛАЖЕНСТВА» К «ИВАНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ»:
ТВОРЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ МИХАИЛА БУЛГАКОВА**

©Петров В. Б., SPIN-код: 8657-1630, ORCID: 0000-0001-8877-5385, д-р филол. наук,
Уральский государственный лесотехнический университет,
г. Екатеринбург, Россия, 45master91@mail.ru

**FROM “BLISS” TO “IVAN VASILIEVICH”:
THE CREATIVE SEARCH OF MIKHAIL BULGAKOV**

©Petrov V., SPIN-code: 8657-1630, ORCID: 0000-0001-8877-5385, Dr. habil.,
Ural State Forest Engineering University,
Ekaterinburg, Russia, 45master91@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются пьесы Булгакова «Блаженство» и «Иван Васильевич» в контексте литературного процесса и с учетом творческой истории произведений. В булгаковских пьесах проявилось карнавальное мироощущение, связанное с критическим взглядом автора не только на настоящее, но и на перспективы социального прогресса. В его произведениях причудливо переплетаются комедийное и драматическое, лирическое и сатирическое, трагическое и фарсовое.

Abstract. The article considers Bulgakov's plays “Bliss” and “Ivan Vasilyevich” in the context of the literary process and taking into account the creative history of works. In Bulgakov's plays, the carnival worldview associated with the critical view of the author not only on the present, but also on the prospects of social progress was manifested. His works are intricately intertwined comedic and dramatic, lyrical and satirical, tragic and farcical.

Ключевые слова: Булгаков, «Блаженство», «Иван Васильевич», типажи, конфликт, история.

Keywords: Bulgakov, “Bliss”, “Ivan Vasilyevich”, types, conflict, history.

Творческое наследие Михаила Булгакова многие годы привлекает пристальное внимание исследователей. Сотни монографий, тысячи статей освещают различные грани таланта этого самобытного художника. В то же время некоторые из его произведений до сих пор недостаточно изучены. В их числе оказались пьесы «Блаженство» и «Иван Васильевич».

В критике звучат противоположные, подчас взаимоисключающие суждения. Так, Ю. Бабичева [1, с. 125], И. Ерыкалова [2] и А. Кораблев [3, с. 54] считают эти пьесы драматургической диалогией с элементами антиутопии, раскрывающей нравственные проблемы современности через призму прошлого и будущего. В то же время Л. Яновская [4], Лосев В. [5] и М. Чудакова [6] полагают «Блаженство» предтечей «Ивана Васильевича»,

своего рода работой автора над допущенными ошибками. Причем последняя точка зрения подтверждается письмами самого Булгакова («25-го читал труппе Сатиры пьесу. Очень понравился всем первый акт и последний. Но сцены в «Блаженстве» не приняли никакой. Все единодушно вцепились и влюбились в Ивана Грозного. Очевидно, я что-то совсем не то сочинил. Теперь у меня большая забота» (1) и заметками Попова П. («Сначала, в 1933–1934 гг., он пишет пьесу «Блаженство» в виде «сна инженера Рейна в четырех действиях». Затем, сохранив структуру первого действия, автор в корне перерабатывает последующие сцены. В 1935 г. из этой переработки возникает пьеса «Иван Васильевич» [7].

Наличие столь разных точек зрения актуализируют постановку проблемы творческих исканий в драматургии писателя. Что общего и в чем отличие пьес «Блаженство» «Иван Васильевич»? Можно ли считать их вариантами одного и того же замысла? Какое место занимают эти произведения в литературном контексте 20–30-х годов? Ответы на эти вопросы позволяют осмыслить существенную грань художественного своеобразия булгаковского творчества.

Пьеса «Блаженство», замысел которой, по мнению В. Лосева, относится к 1929 году [8], создавалась на фоне ряда приключенческих произведений с перемещениями героев во времени («Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» М. Твена, «Машина времени» Г. Уэллса), появления замятинской антиутопии «Мы» и сатирических пьес В. Маяковского «Клоп» и «Баня». Все это в значительной степени предопределило движение авторской мысли по созданию фантастического произведения с намеренно вычурным названием — «Блаженство». Об островах блаженных как своеобразной идиллической земле писали Гомер в «Одиссее» и Гесиод в «Трудах и днях». В мифологии разных народов у этой земли было множество наименований: земля обетованная, страна вечной молодости, Эдем и т. п., но общим у них было представление символическое представление о земном рае. Утопические представления о процветании в будущем положили начало не только жанру утопии («Инония» С. Есенина, «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» Чайнова), но и антиутопии («Мы» Е. Замятина, «Роковые яйца» М. Булгакова, «Чевенгур» и «Котлован» А. Платонова). Элементы антиутопии просматриваются и в «Блаженстве» М. Булгакова. При этом машина времени позволяет напрямую соотнести будущее с настоящим. Не случайно Блаженством в пьесе именуется только часть Москвы 2222 года, а в качестве персонажей столь далекого будущего предстают «Народный Комиссар Изобретений» Радаманов (в древнегреческих мифах Радамант — судья загробного мира, сын Зевса и Европы) и «директор Института Гармонии» (по ходу развития сюжета гармонии-то как раз и не наблюдается) с удивительно негармоничным сочетанием имени и отчества — Фердинанд Саввич; Аврора (от имени древнегреческой богини утренней зари) и Анна (имя соседки Булгакова по коммунальной квартире, Анны Горячевой, впоследствии вошедшей в роман «Мастер и Маргарита»).

В «Блаженстве» перед зрителями возникают узнаваемые типы, знакомые по ранним произведениям М. Булгакова:

1) инженеру–экспериментатору Евгению Бондерору (впоследствии — Евгению Рейна) предшествовали герои «Собачьего сердца» (Преображенский), и «Роковых яиц» (Персиков);

2) представитель домоуправления (Святослав Владимирович Бунша) знаком нам по «Зойкиной квартире» (Портупея) и «Собачьему сердцу» (Швондер);

3) жулик и авантюрист (Жорж Милославский) во многом напоминает Аметистова из «Зойкиной квартиры» и Кири–Куки из «Багрового острова».

Как и в пьесах В. Маяковского, перемещение булгаковских персонажей во времени сатирически высвечивает их негативные черты. При этом следует отметить ярко выраженную фарсово–буффонадную поэтику текста (диалоги Рейна и соседки, Милославского и Михельсона, Бунши и Рейна в первом действии; поиски пропавших часов Михельсона, Рамаданова, Граббе и портсигара Савича, медальона с цепочкой Гостя в первых трех действиях). По сути дела, все действие в пьесе разворачивается вокруг часов:

«**Анна.** Что это все с часами как с ума сошли?»

Милославский. Обхохочешься! Эпидемия!» (2, с. 542).

Лексема «час» в «Блаженстве» (34 раза) встречается в 4,25 раза чаще, чем в «Иване Васильевиче» (8 раз). Символично, что у героев «Блаженства» пропадают именно часы, поскольку именно времени им так не хватает.

В «Блаженстве» заметно влияние сатирических пьес В. Маяковского:

1) путешествие во времени — только средство обнажить несовершенство существующей действительности:

«**Победоносиков.** ... Директивы провожу, резолюции подшиваю, связь налаживаю, партвзносы плачу, партмаксимум получаю, подписи ставлю, печать прикладываю... Ну, просто уголок социализма (3, с. 336).

«**Бунша.** Все это довольно странно. Социализм совсем не для того, чтобы веселиться. А они бал устроили. <...> Товарищ Рамаданов, я вам хотел свои документы сдать. <...> Для прописки, а то ведь мы на балу веселимся непрописанные. Считаю долгом предупредить» (2, с. 538, с. 542).

2) герои из будущего не в состоянии понять бюрократическую логику персонажей:

«**Фосфорическая женщина.** Не понимаю. Если б вы еще кому-нибудь другому, скажем, приходящим за справками на работе (*зубы — П. В.*) красили б, ну, тогда б могли сказать — мешает, посетители обижаются. А так...». <...> Какой прием? Какое завтра? Какая очередь?!» (3, с. 332, с. 334).

«**Бунша.** Я секретарь домоуправления в нашем жакте.

Анна. А... а... вы что делали в этой должности? <...>

Бунша. ... Утром встаешь, чаю напьешься. Жена в кооператив, а я сажусь карточки писать. Первым долгом смотрю, не умер ли кто в доме. Умер — значит, я немедленно его карточки лишаю.

Анна (хохочет). Ничего не понимаю. <...> Вы шутите! Ведь так с ума можно сойти!

Милославский. Он и сошел!» (2, с. 541).

Знаковая в литературе 20–30-х годов фигура управдома (в «Блаженстве» — секретаря домоуправления) становится основным объектом авторской критики, поэтому другие сатирические персонажи (в том числе откровенный жулик Милославский) воспринимаются своего рода антуражем происходящего и принимают участие в развенчании «не то князя, не то кучера».

Очевидно, что появление сатирических пьес В. Маяковского и их оценка критикой не могли не отразиться на судьбе, так и не состоявшейся премьеры булгаковского произведения. Особенно с учетом сложившейся репутации автора. Не помогли ни переработка текста пьесы (1933) и попытка превращения его в «эксцентрическую синтетическую трехактную пьесу», ни добавление к названию подзаголовок «Сон инженера Рейна».

М. Булгаков, тонко чувствовал конспирационные (эту форму повествования он уже использовал в «Беге») и художественные возможности «сна» как преодоление «границы между настоящим, прошлым и будущим... [9, с. 91]. Но, несмотря на подзаголовок к названию, форма «сна» в «Блаженстве» так и не была реализована.

К этой идее М. Булгаков обращается в пьесе «Иван Васильевич», появление которой обусловлено не только цензурными соображениями (критикам не понравилось изображение будущего), но и реальными недочетами произведения (композиционной рыхлостью, недостаточной мотивированностью сюжетной линии XVI века и, как следствие, непроработанностью фигуры Ивана Грозного). Не случайно Московский театр сатиры «усиленно» просил М. Булгакова согласиться на переделки «Блаженства», сделав «комедию, в которой бы Иван Грозный действовал в современной Москве» (4, с. 69–70).

Если в «Блаженстве» М. Булгакова (как и в «Клопе» В. Маяковского) будущее (отнюдь не идеальное) помогает судить настоящее, то в пьесе «Иван Васильевич» современность судит история. Безусловно, центральные персонажи «Блаженства» (инженер-экспериментатор, управдом, жулик и авантюрист) перекочевали в новую пьесу, которая лишь отчасти сюжетно повторяет предыдущую. Структурно повествование стало более цельным, последовательным (сняты незавершенные сюжетные линии, фантазийное путешествие совершается только в прошлое), и в качестве знаковой фигуры появляется образ царя Иоанна.

К образу Иоанна Грозного М. Булгаков обращался неоднократно. Уже в «Беге» встречается реминисценция из переписки Ивана Грозного с Курбским («И аз иже кровь в непрестанных боях за тя, аки воду, лях и лях...» (5, с. 195). В первой редакции «Мастера и Маргариты» (1928–1929) упоминается выходящий из храма «страшный грешный человек: исполу — царь, исполу — монах» (6, с. 59). (Кстати, подобную монашеской опричинскую рясу жалует с царского плеча кинорежиссеру Якину Иоанн Васильевич). И если в пьесе «Блаженство» (1934) Иван Грозный появляется эпизодически (в первом действии диктует послание в Кирилло-Белозерский монастырь «преподобному игумену Козме с братиею»; в финале пьесы появляется из открытой на чердак двери «в состоянии тихого помешательства», и как только возникает «сводчатая палата» опрометью бросается туда), то в новой пьесе, и само название свидетельствует об этом, образ царя Иоанна становится одним из центральных.

Иоанн Васильевич дает точные и достаточно справедливые оценки персонажам. Так, режиссера Якина он именует «смердом, бродягой, сукиным сыном и смертным прыщом», Шпака — «холопом и лукавым смердом», супругу Бунши Ульяну — «ведьмой». Кроме того, попав в будущее, царь обеспокоен судьбою государства («Иоанн.... Ах ты, боже! Ведь это я тут... а шведы, ведь они Кемь взяли! Боярин, ищи ключ! Отправляй меня назад!» (7)); а узнав, что Милославский с Буншей «подарили» Кемь шведам, в сердцах восклицает: «Шведам — Кемь? Да как же вы смели, щучьи вы дети?!» (7).

Образ царя получился настолько привлекательным, что представители Реперткома, разрешив «с небольшими поправками» пьесу к постановке, предложили: «А нельзя ли, чтобы Иван Грозный сказал, что теперь лучше, чем тогда?» (4, с. 104). Естественно, подобные

поправки М. Булгакова не устроили, и после из репертуара пьесы «Мольер», доведенная до генеральной репетиции пьеса «Иван Васильевич» была запрещена.

В литературном процессе переломных исторических эпох наиболее остро проявляется карнавальное мироощущение, связанное с критическим взглядом на перспективы социального прогресса. И булгаковское творчество — не исключение. В его произведениях причудливо переплетаются комедийное и драматическое, лирическое и сатирическое, трагическое и фарсовое. Характеристику постановки Камерным театром булгаковского «Багрового острова» как продолжение и углубление работы «по линии гротескного выявления в сценических формах уродливых явлений жизни и сатирического обнажения их мещанской сущности...» [10] можно в полной мере отнести и к «Блаженству», и к «Ивану Васильевичу».

В «Иване Васильевиче» отчетливо просматриваются традиционные для Булгакова **игра со зрителем** (происшедшее — лишь сон инженера Тимофеева или было на самом деле), **введение двойников** (Иван Васильевич Бунша–Корецкий и Иоанн Васильевич Грозный), **музыкальное сопровождение и предварение событий** (опера «Псковитянка» и реплика Тимофеева «...он меня замучил со своим Иоанном Грозным!» (7), **рефрен** (Милославский то и дело читает и цитирует стихи А. К. Толстого: «Без отдыха пирует с дружиной удалой || Иван Васильич Грозный под матушкой Москвой...» (7).

Портретное сходство Бунши–Корецкого и московского царя не только обеспечивает логику развития сюжета, но и создает возможность высветить внутреннюю пустоту бюрократа–управдома:

Шпак. Натурально как вы играете! Какой царь типичный, на нашего Буншу похож. Только у того лицо глупее. <...>

Зинаида. ...Боже, до чего на нашего Буншу похож! <...>

Милославский. ... Ура! Похож! Ей-богу, похож! Ой, мало похож! <...> Ой, халтура! Ой, не пройдет! У того лицо умней...» (7).

«Увенчание и развенчание» бюрократа–управдома демонстрируется параллельными фарсовыми ситуациями:

Бунша. Николай Иванович, вы не называйте меня князем <...> я сын нашего кучера Пантелея. <...>

Милославский. <...> Не царская, говоря откровенно, у тебя физиономия.

Бунша. Чего? Попрошу вас?! С кем говоришь? <...>

(Дьяку). Ты думаешь, уж не сын ли я какого-нибудь кучера или кого-нибудь в этом роде? <...> Какой там сын кучера? Это была хитрость с моей стороны. <...>

Бунша. Каюсь, был царем, но под влиянием гнусного опыта инженера Тимофеева» (7).

М. Булгаков подчеркивает, что мещанин и бюрократ не способны к здравым суждениям. В мире «советской канцелярской, адовой пропасти» (8) гибнут все творческие начинания. Роковой для Дымогацкого становится попытка приспособить свое творчество к вкусам всемогущего Главреперткома («Багровый остров»); столь же трагикомичным оборачивается стремление директора Института Гармонии Фердинанда Саввича (отчество персонажа явно восходит к имени «всемогущего Саввы Лукича» из «Багрового острова») присвоить изобретение инженера Рейна («Блаженство»). В «Иване Васильевиче» на пути изобретателя Тимофеева оказываются не только управдом Бунша («Я умоляю вас, Николай Иванович, вы насчет своей машины заявите. <...> Такой опыт можно сделать только с разрешения милиции» (7), но и мещанин Шпак («Милицию. Милиция? <...> Инженер Тимофеев Иоанна

Грозного в квартиру вызвал, царя.. (7). При этом М. Булгаков остается верен себе, показывая, что бюрократы и обыватели гораздо опаснее авантюристов и жуликов. Именно поэтому Милославский, подобно Аметистову из «Зойкиной квартиры», становится в пьесе не только объектом критики, но и помощником автора в развенчании негативных явлений.

В финале «Ивана Васильевича», в отличие от пьес, где зло «наказывается» появлением милиции («Мандат» Н. Эрдмана, «Зойкина квартира» и «Блаженство» М. Булгакова), автор делает неожиданный поворот — герой просыпается, все остается прежним: аппарат — целый, Зинаида никуда не уезжала, режиссеров Якина и Молчановского не существует... Но... Шпака действительно обокрали. Все, как в сказке, где многое — ложь, но в ней намек. Эту особенность тонко подметил Леонид Гайдай в фильме «Иван Васильевич меняет профессию». Для нас важно не то, происходили или нет описанные события, а то, насколько ярко булгаковский смех казнит «несовершенство мира, очищая и обновляя человека и утверждая радость бытия» [11, с. 26].

Источники:

- (1). Булгаков М. А. Попову П. С. 28.04.1934 // Булгаков Михаил. Собр соч.: 2 10 т. Т. 10. Режим доступа: <http://coollib.com/b/353510/read>
- (2). Булгаков М. А. Избр. соч.: в 3 т. М.-СПб.: Литература-Кристалл, 1997. Т. 3. С. 523-568.
- (3). Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: в 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Т. 11. М.: Худож. лит., 1958. 703 с.
- (4). Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина; сост., текстол. подгот. и коммент. В. Лосева и Л. Яновской; Вступ. ст. Л. Яновской. М.: Изд-во «Кн. палата», 1990. 400 с.
- (5). Булгаков Михаил. Пьесы. Романы. М.: Правда, 1991. 762 с.
- (6). Булгаков М. А. Копыто инженера // Булгаков М. А. «Мой бедный, бедный мастер...»: Полное собрание редакций и вариантов романа «Мастер и Маргарита» / Михаил Булгаков; издание подготовил В. И. Лосев; науч. ред. Б. В. Соколов. М.: Вагриус, 2006. 1006 с.
- (7). Булгаков Михаил. Иван Васильевич // Булгаков М. А. Собр. соч.: в 10 тт. Т. 7. М.: Голос, 1999. 768 с. Режим доступа: http://lib.ru/BULGAKOW/ivan_vas.txt
- (8). Булгаков М. А. Мой дневник (Публикация В. И. Лосева). // Булгаков Михаил. Собр соч.: в 10 т. Т. 10. Режим доступа: <http://coollib.com/b/353510/read>

Список литературы:

1. Бабичева Ю. В. Фантастическая диалогия М. Булгакова («Блаженство» и «Иван Васильевич») // М. А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени. М.: Союз театральных деятелей РСФСР, 1988. С. 125-139.
2. Ерыкалова И. Е. Фантастика в театре М. А. Булгакова («Адам и Ева», «Блаженство», «Иван Васильевич») в контексте художественных исканий драматурга начала 1930-х годов: автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. СПб., 1994. 319 с.
3. Кораблев А. А. Булгаков и литературоведение (точки соприкосновения) // Литературные традиции в поэтике Михаила Булгакова: Межвузовский сб. науч. тр. Куйбышев: Изд-во КГПИ им. Куйбышева, 1990. 161 с.
4. Яновская Л. Творческий путь Михаила Булгакова. М.: Сов. писатель, 1983. 318 с.

5. Лосев В. И. Комментарии // Булгаков М. А. Иван Васильевич: Рассказы, пьесы. СПб.: Азбука, 2011. 256 с.
6. Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: Книга, 1988. 496 с.
7. Попов П. С. Биография М. А. Булгакова // Булгаков Михаил. Собр. соч.: в 10 т. Т.10. Режим доступа: <http://coollib.com/b/353510/read>
8. Лосев В. И. Комментарии // Булгаков Михаил. Собр. соч.: в 10 т. Т. 10. Режим доступа: <http://coollib.com/b/353510/read>
9. Толстой Н. И. Славянские народные толкования снов и их мифологическая основа // Сон - семиотическое окно: Сновидение и событие. Сновидение и искусство. Сновидение и текст: XXVI-е Випперовские чтения / Под общей ред. И. Е. Даниловой, ред. Д. Ю. Молок. М., 1993. С. 89-95.
10. «Багровый остров» (Беседа с А. Я. Таировым) // Жизнь искусства. 1928. №49. С. 14.
11. Боров Ю. Комическое. М., 1970. 272 с.

References:

1. Babicheva, Yu. V. (1988). Fantastic Dilogiya M. Bulgakov (“Bliss” and “Ivan Vasilievich”). M. Bulgakov is a playwright and art culture of his time. Moscow: *Union of theatrical figures of the RSFSR*, 125-139.
2. Erykalova, I. E. (1994). Fantasy in the theater of M. A. Bulgakov (“Adam and Eve”, “Bliss”, “Ivan Vasilievich”) in the context of the artistic quest of the playwright of the early 1930s: Author's abstract. *Candidate of Art. St. Petersburg*, 319. Access mode: <https://goo.gl/pm2WYJ>
3. Korablev, A. A. (1990). Bulgakov and literary criticism (points of contact) // Literary traditions in the poetics of Mikhail Bulgakov: Intercollegiate collection. sci. tr. Kuibyshev: *Publishing house KGPI them. Kuibyshev*, 161.
4. Yanovskaya, L. (1983). The creative path of Mikhail Bulgakov. Moscow: *Sov. the writer*, 318.
5. Losev, V. I. (2011). Comments. Bulgakov M. A. Ivan Vasilievich: Stories, plays. SPb.: *ABC*, 256.
6. Chudakova, M. O. (1988). The life story of Mikhail Bulgakov. Moscow: *The Book*, 496.
7. Popov, P. S. Biography of M. Bulgakov, Bulgakov, Mikhail. Collected Works: in 10 vol. 10. Access mode: <http://coollib.com/b/353510/read>
8. Losev, V. I. Comments. Bulgakov Mikhail. Collected Works: in 10 vol. 10. Access mode: <http://coollib.com/b/353510/read>
9. Tolstoy, N. I. (1993). Slavic folk interpretations of dreams and their mythological basis. // Dream - semiotic window: Dream and event. Dream and art. Dream and text: XXVI-e Wipper's readings. *Under the general ed. IE Danilova, ed. D. Yu. Molok. Moscow*, 89-95.
10. Crimson Island (Conversation with A. Ya. Tayrov). (1928). *Life of Art*, (49). 14.
11. Borev, Yu. (1970). The Comic. Moscow. 272.

Работа поступила
в редакцию 17.05.2018 г.

Принята к публикации
21.05.2018 г.

Ссылка для цитирования:

Петров В. Б. От «Блаженства» к «Ивану Васильевичу»: творческие искания Михаила Булгакова // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. №6. С. 413-420. Режим доступа: <http://www.bulletennauki.com/petrov-vb> (дата обращения 15.06.2018).

Cite as (APA):

Petrov, V. (2018). From “Bliss” to “Ivan Vasilievich”: the creative search of Mikhail Bulgakov. *Bulletin of Science and Practice*, 4(6), 413-420.